

движенія, символизировавшася въ 14 дек. 1825 г.: — «великія истины французской революціи безъ увлеченій».

Книгу свою кн. Волконскій называетъ «дать справедливости»: «на этихъ страницахъ — не знаю удастся ли мнѣ — стремлюсь спасти отъ забвенія то, что выкинуть нельзя, чего нельзя затоптать». О декабристахъ русское общественное движеніе никогда не забывало. И въ дѣйствительности не родственники, чужіе священную память своихъ дѣдовъ, запечатлѣли ихъ свѣтлую память на страницахъ исторіи, а именно тѣ, которые по справедливости считали себя продолжателями начатаго декабристами дѣла. «Изъ вздоховъ заключенныхъ рождаются бури, низвергающія дворцы», — сказала декабристъ Лунига. Самъ кн. Волконскій, много говорящій теперь о «священной памяти декабристовъ», вспомнилъ о нихъ случайно: «Весной 1915 г., пишетъ онъ, — разбиралъ вещи въ старомъ шкапу на тогдашней моей квартирѣ, и неожиданно попалъ на грудѣ бумагъ». — Только въ немногихъ семьяхъ читалась «священная память» декабристовъ, — къ такимъ семьямъ принадлежитъ семья Якушкиныхъ. Правъ были декабристъ Волконскій, писавшій въ своихъ запискахъ: «Заслуги прадѣдовъ и отцовъ нисколько не даютъ вѣса сыновьямъ и правнукамъ, а болѣе налагаютъ на нихъ трудную обязанность стать на уровень ихъ».

С. Мельгуновъ.

Л. Троицкій. *«Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ея задачи. Государственное Издательство. Москва. 3-е изд. 1924 г.*

Книжка Л. Троицкаго состоитъ изъ двухъ частей. Первая заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ ранѣе въ большевистскихъ газетахъ. Здѣсь авторъ, несомнѣнный мастеръ пера, жванымъ языкомъ излагаетъ свои благовоздыханія о преобразженіи быта рабочаго класса и ность жалобно по поводу того, что съ этимъ бытомъ при коммунизмѣ не только не лучше, но во многихъ отношеніяхъ гораздо хуже чѣмъ при капитализмѣ. Паточно-тягучими словами онъ набрасываетъ идеаль коммунистическаго благолѣпія быта, прерывая изложенія воплями насчетъ того, «до какой степени мы космопаны, некультурны, чтобы не сказать прямо-таки тупоумны».

Элементовъ этого самаго рационалистическаго тупоумія и психологическаго т. ск. туподумія въ самой книгѣ Л. Троицкаго хоть отбавляй. Въ основѣ этой тупости лежитъ чугунная самоувѣренность начальства, самовлюбленно полагающаго, что оно владѣетъ всѣми процессами жизни и можетъ ими на потребу коммунизма вертѣть и такъ, и сякъ. Былъ во времена сѣдня созданъ въ Россіи «Домострой». Коммунисты глубоко увѣрены въ томъ, что имъ удастся лабораторнымъ способомъ изобрѣсти на мѣсто этого «Домостроя» какой-то новый... «Домострой», что ли? Все это во всѣхъ писаніяхъ коммунистовъ на тему о бытѣ

не только по выполнению пошло, пошло и по самому заданию. И неудивительно, что, войдя в эту область, талантливое перо Троцкого превращается в истрепанную швабру, размазывающую пошлость вмѣсто того, чтобы ее вымести.

Гораздо интереснѣе 2-ая часть книжки, гдѣ помѣщены нѣкоторые изъ отвѣтовъ рабочихъ-агитаторовъ РКП на анкету по вопросамъ быта. Авторы отвѣтовъ — 25 членовъ партіи, занимающіе разнаго рода партійныя должности на фабрикахъ и заводахъ. Въ весьма значительной мѣрѣ они уже развращены своимъ положеніемъ и въ ихъ отвѣтахъ порою вылъзаетъ грубо, немотивированно казенный трафаретъ. Вмѣсто анализа или описанія бытовой обстановки отчеканенно-молодецкое «рады стараться»... Но много здѣсь и подлинной жизни. Ее бы мы увидѣли еще больше, еслибы Л. Троцкий не счелъ за благо многіе отвѣты совершенно опустить, другіе сократить. Будемъ вѣрить, что то, что осталось, представляетъ собою, хотя и отрывки, но подлинныя, а не препарированныя отвѣты.

Каковъ же итогъ наблюденія опрошенныхъ коммунистовъ-рабочихъ? Совершенно убійственный для всей этой чугуниной утѣренности коммунистовъ въ томъ, что «мы вѣдь можемъ, можемъ, можемъ»...

Возьмемъ самую простую задачу: приучить рабочихъ къ чтенію, снабдить ихъ хорошей книгой и такимъ образомъ заполнить досугъ культурнымъ содержаніемъ. Что говорить объ этомъ опрошенные коммунисты?

«Въ рабочихъ библиотекахъ книжекъ мало, плохо сброшюрованы, безъ переплета, плохая бумага и шрифтъ». «Библиотеки же переполнены всѣмъ, чѣмъ хотите, но не подходящимъ для рабочихъ». «Процентъ читающихъ книги рабочихъ не высокъ. Среди коммунистовъ этотъ процентъ еще ниже... Политическая литература идетъ туго». «Профессиональная печать читается, какъ кости глодаются. Приходится распространять «уловкой, т. е. искусственно». «Профессиональная печать распространяется... въ-навязку, рабочими она не читается».

Какъ получается столь печальный результатъ «культурничества» большевиковъ, видно изъ другихъ отвѣтовъ. Передъ нами поразительная умственная и душевная убогость тѣхъ, кто долженъ руководить культурнымъ развитіемъ рабочихъ. Вотъ передъ нами завѣдующій агитотдѣломъ Орѣхово-Зуевского укома. Его культурный идеалъ дальше Демьяна Бѣднаго не идетъ: «Политбюро и ЦК нашей партіи можетъ вернуть Д. Бѣднаго изъ его безсрочнаго отпуска и заставить (!) его писать на антирелигіозныя темы». Ему же надо поручить изложить миры «въ хорошемъ стихотвореніи», т. е. «Демьянъ Бѣдный какъ-то умѣетъ все перевернуть». Изъ другихъ отвѣтовъ вы видите, что на Д. Бѣднаго иждется большой спросъ. Возможно, что это дѣйствительно наиболѣе доступная литература, т. е. библиотеки забиты агитационно-политической тухлой. «Вглядитесь въ нашу литературу,

— там все какія то ученые статьи, отъ которыхъ голова кружится. Если вы подойдете къ газетѣ, то же самое» — жалуется одинъ изъ корреспондентовъ. Другой передаетъ разговоры рабочихъ: «вы, моль, все говорите о широкихъ матеріяхъ, а вы лучше говорите о томъ, что поближе къ жизни». Но этого у большевиковъ нѣтъ. «Мы сунулись въ библіотеки, а тамъ нѣтъ ни одной книжки по хозяйственному вопросу». Изъ отвѣтовъ видно, что рабочіе ищутъ книжку «о жизни», «почему нѣтъ сырья, куда его дѣвали или разворовали», «какъ удешевить прожитіе при настоящемъ заработкѣ», «какъ надо жить въ семьѣ отцу и матери по отношенію къ дѣтямъ», и такъ какъ всего этого нѣтъ, то балуются Д. Бѣднымъ. «Вшь, фшь телятинку, а захочешъ и поросятинки» — характеризуетъ одинъ корреспондентъ положеніе. Вотъ и идетъ Д. Бѣдный въ качествѣ эрзацъ-культуры, въ качествѣ культурнаго свинства. «Для писателя легче говорить по текущему моменту, чѣмъ входить въ психологію рабочаго», — объясняетъ совершенно правильно отсутствіе книжки о жизни одинъ изъ корреспондентовъ. «Интересуются тѣмъ, какъ живутъ американскіе рабочіе, французскіе, а у насъ въ газетахъ пишутъ только про забастовки». Жизнь рабочаго, его бытъ могутъ освѣтить рабочіе корреспонденты. Одинъ изъ нихъ сталъ давать такія замѣтки, но они «пошли въ корзину. Тогда и я сталъ подходить къ вопросу такъ, какъ это дѣлается другими корреспондентами. давалъ общій обзоръ жизни и говорилъ о вліяніи коммунистической партіи. Конечно, это страшно мѣшаетъ корреспондентскимъ замѣткамъ. Лучше было бы коммунистическую подкраску давать отъ редакціи, а не поверкать того, что пишутъ корреспонденты».

Изъ этого горькаго признанія можно видѣть, насколько корреспонденціи съ мѣстъ большевистской печати могутъ служить отраженіемъ жизни. Между тѣмъ сознаніе рабочихъ бьется въ мучительныхъ поискахъ правды жизни. Особенно остро волнуетъ рабочихъ коммунистовъ полный переворотъ отношеній, вызванныхъ нѣпомъ. Нѣкоторые отвѣты на вопросъ агитыо неплѣ даютъ глубоко волнующій матеріалъ. «Рабочій чувствуетъ себя иногда оскорбленнымъ, какъ человекъ, взявшій власть и недоѣдающій, тогда какъ тотъ, у кого онъ вырвалъ власть, живетъ вдоволь». «Имѣются опасенія, что нѣпмановская волна захлестнетъ Совѣтскую власть и что «одну буржуазію прогнали, другую создали... «Кутежи трестовиковъ, директоровъ, спецовъ и пр. — одна изъ причинъ недовольства, а иногда нервозности въ ячейкахъ РКП». «Введеніе нѣпмановскихъ привычекъ въ нашу партійную среду всякому рабочему бросается въ глаза». «Опасеніе къ возврату буржуазіи есть, особенно когда рабочій слышитъ со стороны новой и старой буржуазіи насмѣшки по отношенію къ тяжелой жизни рабочихъ... Рабочій ненавидитъ нѣпмановъ въ магазинахъ и на базарахъ, но что дѣлать, если онъ въ нашей коопераціи находитъ товаръ грязнѣе, менѣе доброкачественный, и не всегда

хорошее отношеніе. На него смотрятъ тамъ, какъ на получателя какого-то пайка».

Особенно много мудрили и мудрятъ большевики въ вопросѣ о семейномъ бытѣ рабочаго. Итоги ихъ топорной работы на лицо.

«Нищета промышленности и респубрики еще немного держитъ семью, иначе она совсѣмъ бы распалась. Но именно этотъ плохо направляемый и руководимый стихійный распадъ грозитъ рядомъ другихъ ненормальныхъ явленій: проституціей, пьянствомъ, хулиганствомъ, ненужнымъ удалствомъ и пр.» Какъ можно понять этого автора, онъ за распадъ семьи, только хорошо «направляемый и руководимый». Этотъ же мотивъ встрѣчается и въ другихъ отвѣтахъ. И вотъ семья коммуниста какъ разъ и является объектомъ направленного и руководимаго разложенія. Что же получается? Отвѣты категоричны. «Получается склока, болѣзнь неврастеніей, и тотъ, который уже съ этимъ не можетъ мириться, или бросаетъ семью, или мучитъ себя, пока не становится самъ неврастенникомъ». «Я предупреждаю, что на насъ надвигается колоссальное бѣдствіе въ томъ смыслѣ, что мы неправильно поняли понятіе «свободная любовь». Въ результатѣ получилось такъ, что отъ этой свободной любви коммунисты натворили ребятишекъ. Коммунистовъ мобилизовали, и на иждивеніи завкома осталось чуть не двѣ тысячи дѣтисекъ. Если война дала намъ массу инвалидовъ, то неправильное пониманіе свободной любви награждаетъ насъ еще большими уродами». «Мѣняютъ женщинъ, это происходитъ и у коммунистовъ. Это недопустимо, что нѣкоторые себя разнуздываютъ до безобразія». «Я знаю агитаторовъ, которые на данные вопросы отвѣчаютъ по тезисамъ тов. Колонтай, но тамъ глѣть, наприм., вопросовъ отвѣтственности отца и матери передъ ребенкомъ, и на этой почвѣ растутъ подкидышаніе ребятъ. Сейчасъ въ Москвѣ это является однимъ изъ большущихъ золъ». «Даже среди отвѣтственныхъ работниковъ есть много такихъ, которые разстались съ женами и оставили ихъ съ пятью ребятами. Такихъ случаевъ очень много. Это не скрывается. Разстаются даже съ женами коммунистками». Впрочемъ, коммунистовъ бросаютъ часто по совершенно основательной причинѣ: «Коммунисты говорятъ, что если они женятся на коммунисткахъ, то дѣти у нихъ будутъ умирать, и семья будетъ ходить драная». Коммунисты тутъ еще настолько заражены предрасудками, что «на комсомолкахъ ни за что не хотятъ жениться, потому что, говорятъ, она будетъ де бѣгать на собранія, никогда не сваритъ ему обѣда, не будетъ стирать бѣлье и т. д. Коммунисты говорятъ, что лучше имъ жениться на безпартийныхъ». Но безпартийныя не хотятъ выходить замужъ за коммунистовъ, зная что мужъ будетъ жить съ ними по «тезисамъ тов. Колонтай». Что тутъ получается на практикѣ изъ такого брака, видно изъ слѣдующаго. «Если мужъ партійный, значитъ, онъ для семьи палецъ о палецъ не ударитъ (некогда, заваленъ дѣлами, высокими матеріями), а жена его какъ лошадь, должна работать,

да еще получать нагоняй за некоммунистические поступки, роняющие престиж мужа-партийца». Одному из ответивших на анкету беспартийный рабочий рассказывал: «я прихожу домой, по вечерам я свободен и бабь помогаю. А съезд мой — партийный, баба его съ утра до ночи работает, а его черт носить по разным мѣстамъ... Когда баба проситъ его помочь, онъ говоритъ: не могу, у меня засѣданіе ячейки. Чтобы когда нибудь ведро съ помоями вынести, — это никогда. У нихъ скандалъ постоянно въ избѣ, баба лаетъ». Въ общемъ «рабочіе знаютъ, что въ семьѣ коммуниста этотъ вопросъ обстоитъ еще хуже, чѣмъ у нихъ».

Такимъ образомъ всѣ благочестивые разговоры о томъ, что коммунисты должны дать образцы новаго семейнаго быта на практикѣ сводятся къ тому, что они даютъ примѣры жизни безобразной, распущенной, разстроенной и загаженной. А когда приходится служебный человекъ и хочетъ у коммуниста-товарища отвести душу, пораспросить, освѣтить темный хаосъ души своей, то не находитъ ничего, кромѣ такъ быстро истершихся пятаконъ «новой морали». «Коммунисты обыкновенно отвѣчаютъ на такіе вопросы, что семья, въ особенности ссора мужа съ женой, — это частное дѣло». «Мы коммунисты ни своей, ни чужой семьи не знаемъ. Фактически вопросъ о семьѣ и о дѣтихъ никакъ не освѣщается». «Тѣ вопросы, которые мы сейчасъ поднимаемъ, ихъ чрезвычайно трудно описать. Легче, конечно, написать казенную статью».

«Легче, конечно, написать казенную статью»... Здѣсь устами коммуниста дана убійственная характеристика всей коммунистической вознѣ съ «новымъ бытомъ». Изъ такихъ казенныхъ статей и состоитъ вся первая «теоретическая» часть книжки. Вторая же часть показываетъ наглядно, что при попыткахъ превратить эту теорію въ практику получается кѣчто вопіюще беспомощное и безобразное.

Особенно нелѣпныя формы принимаетъ это стремленіе переродить бытъ, когда рѣчь заходитъ о замѣнѣ старой обрядности новой. «Вмѣсто старыхъ церковныхъ обрядовъ новыхъ бытовыхъ формъ не наблюдается, просто осталось пустое мѣсто, и часто на этой почвѣ происходятъ тяжелыя семейныя сцены, когда жена рабочаго посылаетъ крестить или хоронить ребенка, а мужъ ей не пускаетъ — *дерется*». Въ этихъ немногихъ словахъ дѣлая трагедія. Съ неупущенной коммунизмомъ душой нельзя жить пустымъ мѣстомъ. Въ особенности — это чувствуетъ женщина, привязанная къ убогой нищетѣ своей кухни. Есть радость — крестины. Есть какое то изживаніе горя въ похоронной обрядности. Но мужъ коммунистъ. И для того, чтобы привить женѣ «новую мораль», онъ... дерется. Но и дерется онъ тоже не столько въ порядкѣ свободного выраженія своихъ «чувствъ», сколько потому, что онъ боится ячейки, которая можетъ ему поставить на видъ его «фундаментъ». Во истину эту несчастную женщину, не могущую похоронить своего ребенка, какъ ей хочется, бьетъ

не столько ея не менѣ несчастный мужъ, сколько... «парти́нная дисциплина». И весь этотъ Бедламъ, всю эту трагическую безвкусную намъ выдаютъ за «новый бытъ», за «эпоху культурничества».

Характерна тутъ одна подробность. Одинъ изъ мудрыхъ преобразователей предлагаетъ такія новшества. При рожденіи нужно созвать гостей и «сдѣлать сборъ на дѣтскія ясли, на домъ общественныхъ яслей. Примѣрно, похороны. Тутъ нужно иначе поставить. Можно провести сборъ на крематорій, чтобы сжигать трупы». Тутъ передъ нами просто попытка указать еще одинъ поводъ, когда можно произвести т. н. «добровольные сборы». Въ Россіи великолѣпно знаютъ, что эта добровольность означаетъ. Но вопросъ о сжиганіи труповъ пріобрѣтаетъ въ отвѣтахъ явно контръ-революціонный характеръ. «По моему — предлагаетъ одинъ корреспондентъ — лучше всего и прежде всего нужно завести такое мѣсто, гдѣ можно сжигать трупы. *И начать тутъ просто съ большихъ лицъ.* Померъ человѣкъ, надо такъ и сказать, что съжешь его... Повести кампанію, что вотъ, молъ, былъ такой человѣкъ, и мы его сжигаемъ».

Строки эти были написаны до смерти и мумификаціи Ленина. Но теперь онѣ напечатаны вновь уже послѣ этой пошлой комедіи съ превращеніемъ Ленина въ нетлѣнныя мощи. И признаться намъ оторопь беретъ при чтеніи этихъ вотъ словъ: «И начать тутъ просто съ большихъ лицъ». Что думаетъ товарищъ Марковъ — председатель губсоюза текстильщиковъ, написавшій такія-то вотъ слова, глядя на возню съ трупомъ Ленина? Или онъ ничего не думаетъ, а только дрожить и ругательски ругаетъ Троцкого, зачѣмъ онъ эти самыя слова предалъ гласности?

Размѣры рецензій не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, остановиться на другихъ не менѣ интересныхъ отвѣтахъ на вопросы анкеты. Для лицъ, желающихъ глубже взглянуть въ душевный и интеллектуальный міръ большевизма, подойти ближе къ деталямъ коммунистическаго домораза роя, книжка Троцкого даетъ богатѣйшій матеріалъ, слабо, къ сожалѣнію, использованный въ не-большевистской литературѣ.

Ст. Ивановичъ.

Ген. Ю. Н. Даниловъ. «*Россія въ міровой войнѣ 1914-1915 г. г.*». Книгоиздательство «Слово». Берлинъ. 1924 г.

До сихъ поръ изъ всей литературы «воспоминаній и документовъ», изданной послѣ войны и революціи, особенно выдѣлились двѣ книги: «Воспоминанія» графа Витте и «Письма императрицы Александры Федоровны къ императору Николаю II-му». Въ данное время къ нимъ присоединяется третья — книга ген. Данилова, заглавіе которой поставлено во главѣ этой статьи. Всѣ три книги, быть можетъ, помимо воли ихъ авторовъ, хотя и говорятъ о разномъ, но свидѣтельствуютъ объ одномъ, и этимъ однимъ связываются въ нѣчто цѣлое и единое. Русская императрица,